

УДК [324+329] (470+570)
DOI: 10.17223/1998863X/54/24

С.А. Шпагин

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ЦИКЛ 2012–2016 гг. И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Исследование посвящено количественному анализу региональных партийных систем по материалам выборов в законодательные собрания субъектов Российской Федерации в 2012–2016 гг. На основе показателей эффективного числа партий на выборах и в составе депутатского корпуса избранных представительных органов выстраивается рейтинг регионов по уровню политической конкуренции.

Ключевые слова: выборы, партийная система, политическая конкуренция, регионы России, эффективное число партий.

Введение

Исследования партий и выборов в контексте электоральных циклов достаточно привычны для отечественной политологии. Однако, как правило, они затрагивают лишь выборы в федеральные органы государственной власти. Даже если авторы таких исследований уделяют внимание региональной специфике, то и здесь основным материалом для анализа становятся результаты федеральных выборов в регионах [1–4]. Поскольку избрание Президента и Государственной Думы до недавних пор происходило через небольшой интервал времени, это позволяло представить компактный срез состояния партийной системы и политических предпочтений избирателей на конкретный период. Но ситуации в развитии региональных партийных систем в период между федеральными выборами такие исследования, как правило, не отражали. А немногочисленные исследования партий и выборов в регионах обычно посвящены периоду конца 1990–2000-х гг. [5, 6] или только отдельным регионам [7, 8].

Впрочем, и о самих региональных партийных системах, как о распространенном и устойчивом явлении, стало возможным говорить не так давно. В 1990 – начале 2000-х гг. на выборах в регионах конкурировали «крепкие хозяйственники» и пестрые неустойчивые предвыборные блоки, многие из которых были наскоро сколочены усилиями чиновников региональных администраций. В этих условиях законодательные собрания большинства регионов состояли преимущественно из беспартийных депутатов [9. С. 80–81]. Ситуация изменилась лишь со вступлением в силу в 2003 г. новой редакции Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Закон обязал избирать не менее половины депутатов региональных парламентов по партийным спискам [10. С. 38]. Применение этой нормы привело к институционализации региональных отделений политических партий в качестве полноправных участников избирательного процесса и законотворческой деятельности на уровне субъектов Федерации. Более того, дальнейшие изме-

нения избирательного законодательства, предоставившие партиям исключительное право на выдвижение списков кандидатов в органы законодательной власти, заметно повысили их политическое значение. Росту влияния отделений партий в регионах косвенно способствовал и порядок назначения губернаторов в 2004–2012 гг., при котором последнее слово в принятии решения оставалось за законодательными собраниями. Все это создало благоприятные условия для активизации партийной жизни в регионах и формирования региональных партийных систем.

Однако процесс такого формирования оказался существенно затруднен рядом обстоятельств. Прежде всего, принятый в 2001 г. Федеральный закон № 95-ФЗ «О политических партиях» не допускает возможности образования региональных партий. Блокирующей нормой является установленное п. 2 ст. 3 закона требование к партии иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов Российской Федерации. Поэтому артикуляция и агрегирование интересов региональных и местных элит происходила только в рамках общероссийских политических партий. Но еще важнее, что именно с 2003 г. стартовал процесс деволюции российской партийной системы. Создание новых партий было законодательно затруднено, а число уже существующих – заметно уменьшено общими усилиями Росрегистрации, Минюста, Верховного Суда и Администрации Президента. В результате общее количество легально существующих партий за непродолжительное время радикально сократилось: если в середине 2004 г. их насчитывалось 46, то в начале 2009 г. – только 7 [11. С. 618, 626].

Неоднозначные результаты думских выборов 2011 г. и последующий всплеск протестной активности городских избирателей, возмущенных масштабами электоральных фальсификаций, заставил власти внести в 2012 г. существенные изменения в партийное и избирательное законодательство [12. С. 142–144]. 80-кратное сокращение минимального числа членов партии, возвращение губернаторских выборов и отмена сбора подписей при регистрации партийных кандидатов на выборах создали существенные стимулы для новой волны партийного строительства [9. С. 61–63]. Хотя эти изменения не привели к отмене требования о минимальном количестве региональных отделений партий, они оказали существенное влияние на ход и результаты выборов в законодательные органы субъектов Федерации. В этом отношении 2012 г. может служить важным исходным пунктом в развитии партий и партийных систем в регионах современной России. И хотя впоследствии правила проведения выборов и участия в них партий ежегодно уточнялись, значение партийной реформы 2012 г. как точки отсчета для региональных политических процессов трудно переоценить.

Методика исследования

Предметом анализа в данной статье служат региональные парламентские выборы 2012–2016 гг. как индикатор состояния партийных систем в российских регионах. В эти годы произошло однократное переизбрание законодательных собраний всех регионов, кроме Чечни, где выборы в республиканский парламент прошли дважды – в 2013 и в 2016 гг. Более того, сложились устойчивые группы субъектов Федерации, в которых выборы в органы законодательной власти проходят одновременно. Таким образом, период 2012–

2016 гг. в региональной политике можно рассматривать как целостный электоральный цикл.

Данные обо всех избирательных кампаниях отражены в официальной электоральной статистике [13. Вып. 9–12; 14; 15]. В качестве ключевого показателя рассматривается уровень политической конкуренции между партиями. Для измерения этого качества партийной системы используется индекс эффективного числа партий (ЭЧП), исчисленный по формуле Г.В. Голосова

$$N_p = \sum_{i=1}^x \frac{S_i}{S_i + S_1^2 - S_i^2} \quad [16].$$

Поскольку конкуренция между партиями проявля-

ется на двух уровнях – электоральном (в ходе выборов в представительные органы власти) и парламентском (в составе депутатского корпуса избранных представительных органов), то и ЭЧП рассчитывается двумя способами. На электоральном уровне это эффективное число электоральных партий (ЭЧП_Э), для которого S_i – доля действительных голосов, полученных каждой партией в едином избирательном округе, а S_1 – доля голосов партии-победительницы. На парламентском уровне это эффективное число парламентских партий (ЭЧП_П), для которого S_i – доля мест в органе власти каждой из партий, допущенных к распределению мандатов в едином избирательном округе, а S_1 – доля мест крупнейшей партийной фракции.

Помимо самостоятельного эвристического потенциала, применение этих индексов создает возможность для построения единой шкалы региональных партийных систем по уровню политической конкуренции. Такая шкала должна учитывать значения конкуренции между партиями как на электоральном, так и на парламентском уровнях. Самым простым способом ее создания на основе уже имеющихся данных могло бы стать выведение индекса среднего эффективного числа партий (ЭЧП_С):

$$\text{ЭЧП}_С = \frac{1}{2} (\text{ЭЧП}_Э \text{ и } \text{ЭЧП}_П).$$

Упорядочение по этому показателю имеющихся данных об итогах выборов и партийном составе законодательных органов в российских регионах дает возможность сравнения региональных партийных систем и построения их рейтинга по уровню конкуренции. Естественно, что сведение двух показателей в один в известной степени упрощает существующее многообразие. Поэтому применению усредненного показателя должен предшествовать анализ ситуации на разных уровнях партийной системы. Зато в современных условиях использование такой шкалы позволит не только классифицировать партийные системы регионов по уровню политической конкуренции, но и проследивать траекторию их развития от выборов к выборам.

Региональные партийные системы: индикаторы электорального многообразия

На первый взгляд, региональный сегмент российской партийной системы представляет собой, в значительной мере, проекцию ее федеральной структуры на региональную политику. С одной стороны, это следствие уже упомянутого запрета на региональные партии, с другой – наличие стабильных общероссийских парламентских партий, часто упоминаемых в СМИ, представленных в избирательных комиссиях всех уровней и законодательных органах власти, является важнейшим фактором, воздействующим на предпо-

чтения избирателей. Немаловажно и то, что эти партии имеют значительное государственное финансирование. И все же нетрудно заметить, что партийные системы в субъектах федерации довольно заметно отличаются как друг от друга, так и от федерального сегмента.

Специфика партийных систем в российских регионах обнаруживает себя, прежде всего, в различии количества отделений политических партий в тех или иных регионах. По состоянию на 14 марта 2019 г. Минюст зарегистрировал в Российской Федерации 61 партию [17]. В то же время среднее количество зарегистрированных отделений политических партий, по данным региональных избиркомов на 1 апреля 2019 г., составляет 40,2, а разброс значений между регионами – от 5 на Чукотке до 61 в Москве, Дагестане и Свердловской области. Если парламентские партии «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» создали свои отделения во всех регионах, то большинство непарламентских партий ограничились образованием минимально необходимого набора региональных отделений.

Проявляются различия и в сравнительном составе участников региональных выборов. Если парламентские партии непременно участвуют не только в федеральных, но и во всех региональных кампаниях (хотя здесь случаются исключения), то непарламентские партии, в силу ограниченности ресурсов, вынуждены концентрироваться на участии в выборах только в тех регионах, где они рассчитывают на достойный результат. Так, например, в 2016 г. количество партий, принявших участие в выборах депутатов региональных парламентов по единому округу в каждом отдельном субъекте Российской Федерации, колебалось от 4 до 13, а в среднем составило 6,9. В то же время в состоявшихся одновременно выборах в Государственную Думу приняли участие 14 партий.

Стоит заметить, что количество участвующих в выборах партий лишь формально характеризует конкуренцию между ними. Точнее было бы сказать, что большое количество партийных списков, допущенных избиркомами к участию в выборах, способствует повышению уровня конкуренции, но не является гарантией возрастания этого уровня. Так, относительно большое количество партийных списков способствовало росту конкуренции на выборах в Северной Осетии в 2012 г., Бурятии, Забайкальском крае, Архангельской, Владимирской, Иркутской, Смоленской и Ярославской областях в 2013 г., Республике Алтай в 2014 г. (см. таблицу). Однако наивысшие показатели участия партий на выборах 2013 г. в Калмыкии и 2014 г. в Севастополе не сделали соответствующие выборы в полном смысле слова конкурентными. Напротив, небольшое количество участвующих партий не помешало конкуренции на выборах 2016 г. в Алтайском, Камчатском, Пермском и Приморском краях, а также Астраханской, Кировской и Омской областях. Очевидно, что конкуренция на выборах возникает не столько под воздействием количества их участников, сколько в связи с присутствием кандидатов и партий, выражающих ясные для избирателя различия политических позиций.

Единственная неизменная характеристика региональных выборов этого электорального цикла – лидирующее положение «Единой России». Однако ее результаты в разных регионах существенно отличаются. Если на выборах в Совет народных депутатов Кемеровской области по единому округу в 2013 г. за «партию власти» было отдано 87,29% голосов, то на выборах того же года

в Архангельское областное Собрание депутатов – только 42,57%. На выборах Госсовета Татарстана в 2014 г. ЕР досталось 84,88% голосов, а в Республике Алтай – лишь 46,21%. А самый высокий за 5 лет результат голосования за ЕР был зафиксирован в 2016 г. в Чеченской республике – 87,71%. Впрочем, тогда же был показан и самый низкий результат – 34,7% голосов в Карелии¹.

Еще более ощутимо разнятся результаты других партий. Так, показатели голосования за КПРФ на тех же выборах колебались в диапазоне от 0,2% голосов в Чечне до 19,4% в Бурятии. На выборах 2014 г. результаты ЛДПР расходились от 1,5% в Тыве до 13,3% голосов в Хабаровском крае, а «Справедливой России» – от 1,8% в Крыму и Севастополе до 11,5% в Кабардино-Балкарии. Несложно заметить, насколько отличается разброс показателей партий от результатов голосования за них на выборах в Государственную Думу.

Естественно, что при описанных условиях заметны и различия между регионами в уровне эффективного числа электоральных партий. Исходя из значения этого показателя, самые конкурентные выборы 2012 г. состоялись в Северной Осетии, в 2013 г. – в Смоленской области, в 2014 г. – в Республике Алтай, в 2015 г. – в Новосибирской области, а в 2016 г. – в Карелии. Однако даже в этих регионах уровень межпартийной конкуренции был невысоким. Наименьшим этот уровень был в 2012 г. в Саратовской области, в 2013 г. – в Кемеровской области, в 2014 г. – в Тыве, в 2015 г. – в Воронежской области, а в 2016 г. – в Чечне.

В целом за 5 лет в десятку регионов, где выборы носили наиболее конкурентный характер, входят Карелия, Алтайский край, Кировская, Омская, Мурманская и Вологодская области, Красноярский край, Калининградская и Новгородская области, а также Санкт-Петербург. Топ-10 регионов, наименее конкурентных по результатам выборов, составили Тыва, Чечня, Кемеровская область, Татарстан, Мордовия, Саратовская область, Башкортостан, Севастополь, Дагестан и Ингушетия.

Региональные партийные системы: плюрализм на парламентском уровне

Специфика партийной жизни регионов проявляет себя и в партийно-фракционном составе законодательных органов. «Единая Россия» доминирует во всех региональных парламентах, но доля ее мест в составе депутатского корпуса заметно колеблется: в 2012 г. – от 64,29% в Северной Осетии до 95% в Краснодарском крае, в 2013 г. – от 64,44% в Иркутской области до 95,65% в Кемеровской, в 2014 г. – от 62,22% в Москве до 96,88% в Тыве, в 2015 г. – от 67,11% в Новосибирской области до 91,07% в Воронежской, в 2016 г. – от 57,5% в Приморье до 93,75% в Мордовии.

Привычная для Государственной Думы четырехпартийная конфигурация партийно-фракционного состава сложилась в 48 заксобраниях: в 2012 г. – в Сахалинской области и Удмуртии, в 2013 г. – в Бурятии, Якутии, Забайкалье и Владимирской области, в 2014 г. – только в Волгоградской области, зато в 2015 г. – во всех 11 регионах, а в 2016 г. – еще в 30. В 8 регионах были сфор-

¹ Все данные о результатах голосования за политические партии приводятся в процентах от общего числа действительных бюллетеней.

мированы двухпартийные законодательные органы (причем половина из них была избрана в 2014 г.), в 11 региональных парламентах были представлены 3 фракции, еще в 12 – по 5 фракций, а в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга – 6 фракций. Наконец, партийно-фракционные составы четырех региональных парламентах, избранных в 2012–2013 гг., отличались от Государственной Думы не в количественном, а в качественном отношении. В Верховном Совете Хакасии фракция «Коммунисты России» заняла место «Справедливой России», в Иркутской области того же добились «Гражданская платформа», она же вместе с «Патриотами России» вытеснила из Народного Хурала Калмыкии ЛДПР и «Справедливую Россию». А самым необычным по составу стал парламент Северной Осетии: здесь фракция «Патриоты России» вышла на второе место, отодвинув КПРФ и «Справедливую Россию», а ЛДПР осталась за рамками депутатского корпуса.

Уровень партийной конкуренции в составе избранных региональных парламентах, измеряемый эффективным числом парламентских партий, нигде не переходит отметку 2. Самый высокий показатель в 2012 г. зафиксирован в Северной Осетии, в 2013 г. – в Иркутской области, в 2014 г. – в Москве, в 2015 г. – в Новосибирской области, а в наивысший за весь цикл – в 2016 г. в Приморском крае (1,96). Даже в тех регионах, где на выборах наблюдалась реальная конкуренция, смешанная избирательная система воспроизводила известный эффект «сфабрикованного большинства» [18]: недостаток голосов по единому округу «Единая Россия» с лихвой восполняла депутатами, избранными по одномандатным округам.

Самый низкий уровень ЭЧП среди избранных в 2012 г. заксобраний оказался в Краснодарском крае (1,05), через год этот результат повторился в Кемеровской области, а в 2014 г. Верховный Хурал Тывы установил абсолютный рекорд – 1,03. В 2015 г. самой неконкурентной стала Воронежская областная Дума, а в 2016 г. – Государственное Собрание Республики Мордовия.

Группу регионов с наиболее конкурентным по партийному составу депутатским корпусом образуют Приморье, Астраханская область, Москва, Алтайский край, Иркутская область, Северная Осетия, Омская область, Карелия, Пермский край и Новгородская область. В десятке регионов с самыми неконкурентными законодательными собраниями – Тыва, Краснодарский край, Кемеровская область, Крым, Мордовия, Брянская и Пензенская области, Севастополь, Воронежская область и Чечня.

Формальные показатели конкуренции – количество участвующих в выборах партий и фракций в региональных парламентах – хоть и связаны с показателями реальными, но связь эта проявляется преимущественно в диапазоне минимальных значений. В частности, двухпартийные заксобрания, даже избранные с участием достаточного числа партий, почти всегда неконкурентны. Об этом ясно свидетельствуют случаи Башкортостана, Кемеровской области, Краснодарского края и Севастополя. С другой стороны, судя по значению ЭЧП в Калининградской, Смоленской и Ярославской областях, многопартийный состав заксобраний не обеспечивает конкурентности депутатского корпуса. Наконец, по итогам двукратных выборов в Чечне легко заметить, что даже сокращение количества участвующих в них партий в 4,5 раза никак не влияет на результат.

К единому рейтингу партийных систем в регионах

Можно заметить, что списки регионов, отличающихся высокими или низкими показателями ЭЧП_Э и ЭЧП_П, но совпадают только частично. Однако радикальных разрывов, т.е. случаев попадания одного и того же региона в группу с наивысшими показателями одного индекса и самыми низкими значениями другого, не наблюдается. Поэтому есть основания не только теоретически предполагать существование взаимосвязи между этими переменными.

Расчет значений ЭЧП_С приведен в таблице. Условным критерием наличия значимой конкуренции в партийной системе региона можно считать значение ЭЧП_С = 2. В силу специфики избирательной системы показатель для Москвы, основанный только на ЭЧП_П, явно не отражает характерного для столицы высокого уровня политической конкуренции. Общий же уровень конкуренции в региональных партийных системах относительно невысоок.

Основные показатели региональных партийных систем по итогам выборов 2012–2016 гг.

Субъект федерации	Зарегистрировано партийных списков	Эффективное число электоральных партий (ЭЧП _Э)	Число партий, допущенных к распределению депутатских мандатов	Эффективное число парламентских партий (ЭЧП _П)	Среднее эффективное число партий (ЭЧП _С)
2012 г.					
Северная Осетия	17	2,46	4	1,66	2,06
Удмуртия	11	2,08	4	1,3	1,69
Краснодарский край	16	1,44	2	1,05	1,25
Пензенская область	11	1,45	2	1,09	1,27
Саратовская область	13	1,28	3	1,25	1,27
Сахалинская область	11	2,22	4	1,31	1,77
2013 г.					
Башкортостан	12	1,3	2	1,29	1,3
Бурятия	22	2,25	4	1,59	1,92
Калмыкия	23	1,99	4	1,61	1,8
Хакасия	8	2,4	4	1,59	2
Чечня	18	1,16	3	1,11	1,14
Якутия	14	2,03	4	1,45	1,74
Забайкальский край	17	2,44	4	1,48	1,96
Архангельская область	19	2,8	5	1,56	2,18
Владимирская область	18	2,24	4	1,21	1,73
Ивановская область	20	1,79	3	1,2	1,5
Иркутская область	17	2,38	4	1,71	2,05
Кемеровская область	20	1,15	2	1,05	1,1
Ростовская область	13	1,64	3	1,16	1,4
Смоленская область	22	2,82	5	1,39	2,11
Ульяновская область	13	1,78	3	1,17	1,48
Ярославская область	20	2,59	5	1,33	1,96
2014 г.					
Республика Алтай	12	2,64	5	1,45	2,05
Кабардино-Балкария	9	1,67	5	1,48	1,58
Карачаево-Черкесия	5	1,44	5	1,42	1,43
Крым	12	1,4	2	1,07	1,24
Марий Эл	8	1,64	3	1,14	1,39
Татарстан	7	1,19	2	1,22	1,21
Тыва	7	1,15	2	1,03	1,09
Хабаровский край	7	1,93	3	1,22	1,58
Брянская область	10	1,38	3	1,09	1,24
Волгоградская область	13	1,76	4	1,21	1,49
Тульская область	7	1,62	3	1,16	1,39
г. Москва*	–	–	–	1,73	1,73

Окончание таблицы

Субъект федерации	Зареги- стрировано партийных списков	Эффективное число электро- ральных пар- тий (ЭЧП _э)	Число партий, до- пущенных к рас- пределению депу- татских мандатов	Эффективное число парла- ментских пар- тий (ЭЧП _п)	Среднее эффективное число партий (ЭЧП _с)
г. Севастополь	14	1,31	2	1,09	1,2
Ненецкий АО	8	2,43	5	1,57	2
2015 г.					
Республика Коми	8	1,9	4	1,17	1,54
Белгородская область	9	1,65	4	1,21	1,43
Воронежская область	6	1,38	4	1,1	1,24
Калужская область	10	1,9	4	1,34	1,62
Костромская область	15	2,16	4	1,34	1,75
Курганская область	6	1,94	4	1,24	1,59
Магаданская область	6	1,83	4	1,26	1,55
Новосибирская область	7	2,47	4	1,58	2,03
Рязанская область	8	1,7	4	1,13	1,42
Челябинская область	5	1,91	4	1,32	1,62
Ямало-Ненецкий АО	6	1,47	4	1,25	1,36
2016 г.					
Адыгея	5	1,86	4	1,33	1,6
Дагестан	10	1,37	3	1,27	1,32
Ингушетия	7	1,37	4	1,26	1,32
Карелия	7	3,71	5	1,64	2,68
Мордовия	5	1,2	3	1,07	1,14
Чечня	4	1,15	3	1,11	1,13
Чувашия	7	2,13	4	1,25	1,71
Алтайский край	5	3,35	4	1,72	2,54
Камчатский край	5	2,26	4	1,39	1,83
Красноярский край	10	3,09	5	1,48	2,29
Пермский край	6	2,65	4	1,64	2,15
Приморский край	6	2,74	5	1,96	2,35
Ставропольский край	6	2	4	1,33	1,67
Амурская область	9	2,86	4	1,51	2,19
Астраханская область	6	2,64	4	1,79	2,22
Вологодская область	7	3,11	4	1,42	2,27
Калининградская область	8	3,03	5	1,46	2,25
Кировская область	6	3,28	4	1,55	2,42
Курская область	5	2,11	4	1,32	1,72
Ленинградская область	6	2,23	4	1,28	1,76
Липецкая область	9	2,13	4	1,28	1,71
Московская область	13	2,8	4	1,36	2,08
Мурманская область	10	3,16	4	1,32	2,24
Нижегородская область	11	2,04	4	1,25	1,65
Новгородская область	5	3	4	1,64	2,32
Омская область	6	3,21	4	1,65	2,43
Оренбургская область	7	2,84	4	1,44	2,14
Орловская область	4	2,39	4	1,59	1,99
Псковская область	7	2,71	5	1,39	2,05
Самарская область	8	2,21	4	1,28	1,75
Свердловская область	10	2,87	4	1,53	2,2
Тамбовская область	6	1,76	4	1,15	1,46
Тверская область	6	2,5	4	1,33	1,92
Томская область	8	2,84	4	1,41	2,13
Тюменская область	7	1,96	4	1,26	1,61
г. Санкт-Петербург	8	2,97	6	1,49	2,23
Еврейская АО	4	2,52	4	1,55	2,04
Ханты-Мансийский АО	6	2,35	4	1,41	1,88
Чукотский АО	4	1,66	4	1,61	1,64

* Выборы Московской городской Думы в 2014 г. проводились по мажоритарной системе.
Источники: [13–15], подсчеты автора.

Значение ЭЧПС превышает 2 только в 26 субъектах Федерации и еще в двух – Хакасии и Ненецком АО – достигает этого уровня. Лидирующее место занимает Карелия, далее следуют Алтайский край, Омская и Кировская области, затем Приморье и Новгородская область. Достаточно высокие показатели у Красноярского края, Астраханской, Вологодской, Калининградской, Мурманской областей и Санкт-Петербурга. Стоит заметить, что статистически заметный рубеж пролегает между значениями 1,8 и 1,9: на него попадают только 2 региона. Можно предполагать, что группа регионов, попадающих в диапазон значений 1,8–2 (Бурятия, Хакасия, Забайкалье, Орловская, Тверская и Ярославская области, Ненецкий АО, а также Камчатский край и Ханты-Мансийский АО), занимает неустойчивое положение и имеет определенный потенциал трансформации своих партийных систем, как в сторону нарастания конкуренции между партиями, так и в направлении ее снижения.

Группу абсолютно неконкурентных регионов возглавляет Тыва, затем следуют Кемеровская область, Чечня, Мордовия и Севастополь. Очень близки к ним по значению ЭЧПС Татарстан, Крым, Брянская и Воронежская области, Краснодарский край, Пензенская и Саратовская области, а также Башкортостан.

Подводя общий итог, можно сделать вывод, что в изучаемый период региональная политика характеризовалась относительно низким уровнем партийной конкуренции. В большинстве случаев выборы и депутатский корпус законодательных собраний полностью подконтрольны «партии власти». В то же время рейтинг региональных партийных систем, составленный на основе рассчитанного ЭЧПС, позволяет выделить среди них довольно значительную группу из 26 регионов, где политическая конкуренция уже проявилась, и еще 9 регионов, конкурентный потенциал которых еще только начинает себя проявлять. Вместе с тем становление региональных партийных систем еще далеко от своего завершения. Поэтому существенные изменения показателей политической конкуренции вполне возможны даже там, где позиции «партии власти» кажутся непоколебимыми.

Литература

1. Туровский Р.Ф. Региональные аспекты общероссийских выборов // Второй электоральный цикл в России (1999–2000) / под ред. Г. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М. : Весь Мир, 2002. С. 186–214.
2. Коргунок Ю.Г. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года // Полития. 2014. № 3 (74). С. 75–91.
3. Пасхина И.С., Телин К.О. «Партия ноль»: российские выборы через призму эффективного числа партий // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 43–53.
4. Туровский Р.Ф. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. 2018. № 2 (89). С. 23–50.
5. Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 304 с.
6. Чувилина Н.В. Политические партии и выборы в российских регионах в современный период (2004–2009 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2009. № 2 (16). С. 76–83.
7. Шаикова Я.Ю., Асеев С.Ю., Притчина Е.В. Формирование и функционирование партийной системы в Алтайском крае (1993–2006 гг.). Барнаул : Аз Бука, 2007. 200 с.
8. Шугаев А.А. Партийно-политические системы на региональном уровне: проблемы развития (на примере Саратовской и Самарской областей) // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 4 (17). С. 43–48.
9. Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунока, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. М. : КМК, 2015. 204 с.

10. Турченко М.С. Факторы фрагментации партийных систем российских регионов (2003–2013) // *Полития*. 2015. № 2 (77). С. 38–53.

11. Кынев А.В., Любарев А.Ю. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 792 с.

12. *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра* / под ред. Ю.Г. Коргунюка и Г.М. Михалевой. М. : КМК, 2012. 164 с.

13. *Региональные выборы: партийная динамика*. Информационно-аналитический бюллетень ЦИК Российской Федерации / под общ. ред. Л.Г. Ивлева. Вып. 9. М., 2013. 87 с.; Вып. 10. М., 2013. 140 с.; Вып. 11. М., 2014. 186 с.; Вып. 12. М., 2015. 161 с.

14. *Региональные выборы: партийная динамика*. Информационно-аналитический бюллетень ЦИК Российской Федерации / под общ. ред. А.Ю. Кинева, Е.А. Шевченко. Вып. 13. М., 2016. 176 с.

15. *Сведения о проводящихся выборах и референдумах* // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 10.03.2019).

16. Golosov G. The Effective Number of Parties: A New Approach // *Party Politics*. 2010. Vol. 16. P. 171–192.

17. *Политические партии, отвечающие требованиям пункта 2 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях»*, согласно информации, представленной Министерством юстиции Российской Федерации // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://cikrf.ru/politparty/MinUst/last/> (дата обращения: 10.04.2019).

18. Голосов Г.В. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // *Полис. Политические исследования*. 2005. № 1. С. 108–119.

Sergey A. Shpagin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: shpagin@sibmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 263–273.

DOI: 10.17223/1998863X/54/24

THE ELECTORAL CYCLE 2012–2016 AND PARTY SYSTEMS IN RUSSIAN REGIONS

Keywords: elections; party system; political competition; regions of Russia; efficient number of parties.

The research is devoted to the assessment of the level of political competition in the party systems and representative bodies of the power of the regions of Russia. In the article, conditions of the formation of regional party systems in Russia in the 2000s are described, the political value of the party reform of 2012 is shown, and a chronological framework of the research is grounded. Conclusions of the article are based on the statistical data of the Central Election Commission of the Russian Federation about the results of the elections to the legislative assemblies of the territorial subjects of the Russian Federation which took place in 2012–2016. Such indicators as the number of parties participating in elections, the share of votes/seats of the winning party, and also the index of the effective number of parties (ENP) used in comparative political science calculated by G.V. Golosov's formula are applied to measure the level of competition between parties. This index is used in the article in two versions: (1) the effective number of electoral parties – for competition assessment in elections and (2) the effective number of parliamentary parties – for competition assessment in the elected legislative authority. Besides, to create a uniform scale, a new indicator – the average effective number of parties – is introduced. On its basis, the rating of regions of Russia on the competition level in the party systems is made. In the article, the conclusion is drawn that, with the tendency to unification, a variety of party systems in Russian regions is empirically observed. Regional party systems differ from each other in the number of offices of political parties, degree of their participation in elections, level of support of parties, and also the parliamentary group structure of legislative assemblies. United Russia's domination in regional elections in combination with the effect of a “fabricated majority” gave it hegemony as a part of the deputy corps even in the regions where the votes for this party were low. In general, the low level of competition in regional party systems is noted. However, the rating allows distinguishing two groups of regions in the regions of Russia. The first group is regions for which political competition is not characteristic at all. It is the Republic of Tuva, Kemerovo Oblast, the Chechen Republic, the Republic of Mordovia, Sevastopol. The second group of regions has a rather high level of political competition. It includes the Republic of Karelia, Altai Krai, Omsk and Kirov Oblasts, Primorsky Krai, and Novgorod Oblast.

References

1. Turovsky, R.F. (2002) Regional'nye aspekty obshcherossiyskikh vyborov [Regional aspects of the All-Russian elections]. In: Gelman, G., Golosov, G. & Meleshkina, E. (eds) *Vtoroy elektoral'nyy tsikl v Rossii (1999–2000)* [Second Electoral Cycle in Russia (1999–2000)]. Moscow: Ves' Mir. pp. 186–214.
2. Korgunyuk, Yu.G. (2014) Regional Map of Electoral Cleavages At 2011 State Duma Elections. *Politiya – Politeia*. 3(74). pp. 75–91. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2014-74-3-75-91
3. Pashkina, I.S. & Telin, K.O. (2017) “Party zero”: Russian elections through the prism of the effective number of parties. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Political Studies*. 5. pp. 43–53. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.05.04
4. Turovsky, R.F. (2018) Presidential Elections in Russia: Opportunities and Limits of Electoral Consolidation. *Politiya – Politeia*. 2(89). pp. 23–50. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-23-50
5. Golosov, G.V. (2006) *Rossiyskaya partiynaya sistema i regional'naya politika, 1993–2003* [The Russian party system and regional politics, 1993–2003]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
6. Chuvilina, N.V. (2009) Politicheskie partii i vybory v rossiyskikh regionakh v sovremennyy period (2004–2009 gg.) [Political parties and elections in the Russian regions in the modern period (2004–2009)]. *Vestnik Volgograd gos. un-ta. Ser.4. Istoriya – Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2(16). pp. 76–83.
7. Shashkova, Ya.Yu., Aseev, S.Yu. & Pritchina, E.V. (2007) *Formirovanie i funktsionirovanie partiynoy sistemy v Altayskom krae (1993–2006 gg.)* [The formation and functioning of the party system in the Altai Territory (1993–2006)]. Barnaul : Az Buka.
8. Shugaev, A.A. (2008) Partiyno-politicheskie sistemy na regional'nom urovne: problemy razvitiya (na primere Saratovskoy i Samarskoy oblastey) [Party-political systems at the regional level: problems of development (a case study of Saratov and Samara regions)]. *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby – The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 4(17). pp. 43–48.
9. Borisov, N.A., Korgunyuk, Yu.G., Lyubarev, A.E. & Mikhaleva, G.M. (eds) (2015) *Partiynaya reforma i kontrreforma 2012–2014 godov: predposylki, predvaritel'nye itogi, tendentsii* [Party Reform and Counter-Reform of 2012–2014: Background, Preliminary Results, Trends]. Moscow: KMK.
10. Turchenko, M.S. (2015) Factors of Party Systems Fragmentation in Russian Regions (2003–2013). *Politiya – Politeia*. 2 (77). pp. 38–53. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2015-77-2-38-53
11. Kynev, A.V. & Lyubarev, A.Yu. (2011) *Partii i vybory v sovremennoy Rossii: evolyutsiya i devolyutsiya* [Parties and Elections in Modern Russia: Evolution and Devolution]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Korgunyuk, Yu.G. & Mikhaleva, G.M. (eds) (2012) *Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra* [Parties and Elections: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow: KMK.
13. Ivlev, L.G. (ed.) (2013) *Regional'nye vybory: partiynaya dinamika. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' TsIK Rossiyskoy Federatsii* [Regional elections: party dynamics. Information and analytical bulletin of the CEC of the Russian Federation]. Issue 9. Moscow: [s.n.].
14. Kinev, A.Yu. & Shevchenko, E.A. (eds) (2016) *Regional'nye vybory: partiynaya dinamika. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' TsIK Rossiyskoy Federatsii* [Regional elections: party dynamics. Information and analytical bulletin of the CEC of the Russian Federation]. Issue 13. Moscow: [s.n.].
15. The Central Election Commission of the Russian Federation. (n.d.) *Svedeniya o provodyashchikhsya vyborakh i referendumakh* [Information about the ongoing elections and referenda]. [Online] Available from: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (Accessed: 10th March 2019).
16. Golosov, G. (2010) The Effective Number of Parties: A New Approach. *Party Politics*. 16. pp. 171–192.
17. The Central Election Commission of the Russian Federation. (n.d.) *Politicheskie partii, otvechayushchie trebovaniyam punkta 2 stat'i 36 Federal'nogo zakona "O politicheskikh partiakh"*, *soglasno informatsii, predstavlennoy Ministerstvom yustitsii Rossiyskoy Federatsii* [Political parties that meet the requirements of Paragraph 2 of Article 36 of the Federal Law on Political Parties, according to information provided by the Ministry of Justice of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://cikrf.ru/politparty/MinUst/last/> (Accessed: 10th April 2019).
18. Golosov, G.V. (2005) Sfabrikovannoe bol'shinstvo: konversiya golosov v mesta na dumsikh vyborakh 2003 g. [The falsified majority: the conversion of votes to seats in the 2003 Duma elections]. *Polis. Politicheskaya issledovaniya – Political Studies*. 1. pp. 108–119.